

Джон Гришэм

•
Время
милосердия

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Гришэм: лучшее»

John Grisham

A TIME FOR MERCY

Перевод с английского А. Кабалкина

Серийное оформление и компьютерный дизайн Э. Кунтыш

Печатается с разрешения литературных агентств
The Gernert Company и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.

Г85 **Время милосердия** : [роман] / Джон Гришэм ; [перевод с английского А. Кабалкина]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 608 с. — (Гришэм: лучшее).

ISBN 978-5-17-145522-4

Адвокат Джейк Брайгенс снова в игре — против жестокой судебной системы, неумолимых коллег и предвзятого общества.

Будучи вынужден взяться за дело Дрю Гэмбла — робкого шестнадцатилетнего парня, застрелившего помощника шерифа, Джейк должен выбирать между благополучием и безопасностью собственной семьи и помощью людям, оказавшимся на грани отчаяния.

Что скрывается за очевидным на первый взгляд преступлением? Как переубедить местных жителей, требующих скорейшего суда и смертной казни? И получится ли найти лазейку в законе, чтобы спасти жизнь человека?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-145522-4

© Belfry Holdings, Inc., 2020
© Перевод. А. Кабалкин, 2021
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2022

*Памяти Сонни Меты,
главного редактора издательства Кноpf*

1

Небольшой дом стоял на отшибе, в шести милях к югу от Клэнтонна, на старом шоссе, устремленном в никуда. С самого шоссе его не было видно, потому что к дому вела гравийная дорога, нырявшая вверх-вниз и вправо-влево, отчего в темноте фары встречной машины били в лобовое стекло или простреливали сбоку, будто предупреждая о неладном. От уединенности дом казался только страшнее.

Глубокой ночью, когда еще и не думал пробуждаться воскресный день, за окнами наконец показался свет фар. Он залил весь дом, пустил по стенам цепь зловещих безмолвных теней, а потом исчез — это автомобиль ухнул в яму уже на самом подъезде. Тем, кто притаился в доме, давно следовало уснуть, но в такие жуткие ночи все бодрствовало. Джози, уставшая ворочаться на диване в гостиной, глубоко вдохнула, наскоро помолилась и подошла к окну, чтобы проследить за машиной. Виляет она, как обычно, или слушается руля? Снова он надрался, как прошлыми ночами, или, может, взял в пьянстве паузу? На всякий случай, в надежде привлечь его внимание, она выбрала легкомысленный наряд — вдруг вместо тяги к насилию в нем в кои-то веки проснется романтическое настроение? Раньше Джози уже одевалась соблазнительно, и однажды этот трюк даже пришелся ему по нраву.

Автомобиль остановился перед домом, она следила, как он вылезает из-за руля. И глядя, как он шатается и спотыкается, набиралась отваги, готовясь к неизбеж-

ному. Выйдя в кухню, где горел свет, Джози стала ждать. В углу за дверью, в тени, была приготовлена алюминиевая бейсбольная бита ее сына. Она сама спрятала ее там час назад на случай, если он вздумает распускать руки. Но как Джози ни молилась, чтобы ей хватило смелости пустить биту в ход, сомнения не отступали. Привалившись к кухонной двери, она проверила защелку. Дверь оказалась не заперта, он пнул ее ногой, и она ударила по холодильнику.

Стюарт был мерзким драчливым пьяницей. Сейчас его бледная ирландская физиономия раскраснелась, щеки пылали, глаза горели слишком знакомым Джози огнем злобы, разожженным, словно бензином, выпитым виски. В свои тридцать пять лет Стюарт уже начал седесть и лысеть, и начес, которым он маскировал лысину, после ночного шатания по барам висел на ушах жидкими прядями. На его лице не оказалось на сей раз порезов и кровоподтеков, что было хорошим признаком, а может, и плохим. Ему нравилось ввязываться в потасовки в дешевых забегаловках; потом он зализывал раны и заваливался спать. Но если ни с кем не удавалось сцепиться, то искал ссоры по возвращении домой.

— Чего это ты не спишь? — прохрипел Стюарт, неловко пытаясь затворить за собой дверь.

Джози ответила так спокойно, как только сумела:

— Жду тебя, милый. Все в порядке?

— Нечего меня поджидать. Который час, уже два ночи?

Она ласково улыбнулась, словно все было хорошо. Неделию назад Джози решила лечь и подождать Стюарта в постели. Он вернулся поздно, поднялся наверх и стал угрожать ее детям.

— Около того, — нежно проворковала она. — Идем в кровать.

— Зачем ты так вырядилась? Ну и вид, шлюха шлюхой. Здесь кто-то был?

Это стало уже привычным обвинением.

— Конечно, нет, — ответил она. — Просто собираюсь лечь спать.

— Ты потаскуха.

— Брось, Стью. Я хочу спать. Пойдем и ляжем.

— Кто он? — рывкнул Стюарт, ударяясь спиной о дверь.

— Ты о ком? Здесь никого нет. Я провела весь вечер с детьми.

— Лживая стерва, вот ты кто!

— Я не лгу, Стью. Идем спать, уже поздно.

— Сегодня я слышал, как кто-то болтал, будто пару дней назад тут видели машину Джона Альберта.

— Кто это, Джон Альберт?

— «Кто это, Джон Альберт?» — спрашивает мелкая потаскуха... А то ты не знаешь Джона Альберта. — Он отодвинулся от двери, сделал пару-другую неуверенных шагов в сторону Джози, схватился за кухонный стол, чтобы не упасть, и наставил на нее палец. — Ты — мелкая сучка, вечно вокруг тебя вьются твои прежние дружки-кобели. Я тебя предупреждал.

— Мой единственный дружок — ты, Стюарт, тысячу раз тебе это говорила. Почему ты мне не веришь?

— Потому что ты лгунья, я и раньше ловил тебя на вранье. Помнишь ту кредитную карту? Ах ты, стерва!

— Перестань, Стью, это было в прошлом году.

Он бросился к ней, схватил левой рукой за запястье, а правой ладонью с размаху вплепал пощечину — звучный шлепок. Джози вскрикнула от боли и от шока. Перед этим она уговаривала себя: только не кричи! Наверху, за запертой дверью, прятались ее дети, они все слышали.

— Прекрати, Стью! — взвизгнула она, схватившись за щеку и тщетно пытаясь отдышаться. — Не смей больше меня бить! Я обещала уйти и, клянусь, сделаю это!

Он взревел, хохоча:

— Неужели? Куда ты можешь податься, мелкая сучка? Обратнo в фургон, в кусты? Снова жить в машине? — Еще крепче стиснув ей руку, Стюарт развернул ее, сжал своей толстой рукой шею Джози и заорал прямо в ухо: — Некуда тебе идти, стерва, кроме трейлерного парка, где ты родилась, да и того уже нет! — Он плевался ей в ухо горячей слюной, обдавал ее мерзким запахом перегара — смесь виски и пива.

Джози дернулась в попытке освободиться, но Стюарт так крепко вцепился в нее, словно не прочь был переломать ей кости. Джози оставалось только вопить, как ни жалко было прятавшихся наверху детей.

— Ты мне руку сломаешь, Стю! Пожалуйста, перестань!

Он больше не задирает ее руку вверх, но сжал еще сильнее и прошипел:

— Куда намылилась? У тебя есть крыша над головой, еда на столе, комната для твоих паршивцев, а ты болтаешь, что уйдешь? Еще чего!

Джози то замирала, то извивалась, пытаясь вырваться, но он был слишком силен и свиреп.

— Ты сломаешь мне руку, Стю! Сказано тебе, отпусти!

Но он как назло усилил хватку, она заорала, стала лягаться, врезала ему голой пяткой под колено, потом развернулась и заехала левым локтем прямо под ребра. Это его ошеломило хотя бы на секунду. Стюарт остался невредим, но Джози успела высвободиться и в порыве перевернула кухонный табурет. Лишний шум, очередной испуг для ее детей.

Он бросился за ней, как бешеный бык, схватил за горло, прижал к стене, впился ногтями в шею. Джози уже не могла ни кричать, ни глотать, ни вообще дышать; безумный блеск в его глазах подсказывал, что это их последняя схватка. Сейчас он ее прикончит. Она попыталась снова лягнуть его, но промахнулась, Стюарт выбросил вперед

правый кулак. Получился прямой хук в подбородок, от которого Джози упала навзничь, растопырив ноги. Халат распахнулся, обнажилась грудь. Стюарт немного постоял над ней, любуясь содеянным.

— Сучка первой меня ударила, — промямлил он, после чего шагнул к холодильнику, за пивом. Открыв банку, сделал большой глоток, вытер тыльной стороной ладони рот и еще подождал — вдруг она встанет? Если нет, значит, он вырубил ее на всю ночь. Джози не шевелилась, поэтому он подошел ближе, проверить, дышит ли.

Стюарт всю жизнь был уличным забиякой и твердо усвоил первейшее правило: удар в челюсть — самый надежный.

Дом затих, но он знал, что наверху замерли в ожидании дети.

Дрю был на два года старше своей сестры Киры, однако половое созревание, как большинство нормальных перемен в его жизни, запаздывало. Он был маловат для шестнадцати лет и переживал из-за этого, особенно когда стоял рядом с сестрой, которая как раз быстро вытягивалась. Им было невдомек, что у них разные отцы, а значит, ждать синхронности в развитии не имело смысла. Но сейчас, не помышляя ни о какой наследственности, они обнялись крепко, как родные, в ужасе слушая, как внизу в который раз подвергается побоям их мать.

В этом доме некуда было спрятаться от насилия, не говоря об участвовавших оскорблениях. Они умоляли Джози, чтобы она ушла от Стюарта, и мать раз за разом обещала уйти, но все трое знали, что податься им некуда. Джози уверяла, что дальше будет лучше, Стю хороший, когда трезвый, и она своей любовью отучит его от пьянства.

Некуда податься... Их последним «домом» был старый фургон на заднем дворе у дальнего родственника, приютившего их на своей земле, но без малейшего удовольствия.

Все трое знали, что они терпят Стью лишь потому, что у него настоящий дом — кирпичный, под жестяной крышей. Сейчас они не голодали, только с болью вспоминали прошлое, ходили в школу. Школа стала для них убежищем — к ней Стюарт не приближался. Однако там тоже не обходилось без проблем: Дрю отставал в учебе, у обоих было мало друзей, они ходили в обносках и стояли в очередях за бесплатным ланчем; зато в школе они могли не опасаться Стью, там они чувствовали себя в безопасности.

Даже трезвый, что, к счастью, бывало чаще обратного, он оставался мерзким типом, ворчавшим из-за необходимости содержать детей. Собственных детей у Стюарта не было, потому что он никогда не хотел быть отцом, а еще из-за того, что оба его прошлых брака завершились, едва начавшись. Этот дебошир считал дом своей крепостью. Дети были непрошенными гостями, даже чужаками, поэтому он взваливал на них всю грязную работу. Имея неограниченный доступ к этой дармовой рабочей силе, Стюарт постоянно придумывал для них поручения, скрывая тем самым от самого себя неприглядный факт: он попросту был ленивым жлобом. Стюарт покупал еду и пиво только для себя и требовал, чтобы Джози оплачивала «их» часть стола из собственного скудного заработка.

Однако нелепые поручения, упреки в дармоедстве, запугивания — все это ничто по сравнению с насилием.

Джози лежала, едва дыша и не шевелясь. Стоя над ней, Стюарт пялился на ее грудь и, как всегда, был недоволен: грудь-то маловата. Черт, даже у Киры крупнее будет. От этой мысли он ухмыльнулся, решив сходить и проверить свое наблюдение. Шатаясь, Стюарт покинул маленькую темную гостиную и стал карабкаться вверх по лестнице, нарочно производя как можно больше шума — пусть им будет страшно. На полпути стал звать высоким, пьяным, почти жалобным тоном:

— Кира, а, Кира?..

Та вся затряслась в темноте и с силой вцепилась в руку брата. Стю упорно лез вверх, громко топая по деревянным ступенькам.

— Кира, а, Кира?..

Он распахнул и сразу злобно захлопнул дверь в комнату Дрю. Потом подергал дверь в комнату Киры — она оказалась заперта.

— Ха-ха, Кира, знаю, ты там. Ну-ка, открывай! — Стюарт навалился на дверь плечом.

Они сидели вместе на краю ее узкой кровати, уставившись на дверь, которую заранее подперли ржавым железным штырем, который Дрю притащил из сарая. Оба надеялись, что штырь и дверная защелка уберегут их. Одним концом железный штырь был приставлен к двери, другим упирался в металлический каркас кровати. Когда Стюарт стал дергать дверную ручку, Дрю и Кира поступили, как договаривались: налегли на спасительный штырь, чтобы придать ему устойчивости. Они репетировали данную ситуацию и были почти уверены, что уловка сработает. На тот случай, если дверь все же откроется, у них тоже был припасен ответ: Кира схватит старую теннисную ракетку, а Дрю пустит в ход припасенный в кармане перцовый баллончик. Джози купила его на всякий случай, для детей. Им все равно достанется от Стюарта, но так они хотя бы не сдадутся без боя.

Выбить дверь ногой ему ничего не стоило. Месяц назад он так и поступил, а потом устроил скандал, ведь новая дверь тянула на сотню долларов. Сначала Стюарт настаивал, чтобы за дверь заплатила Джози, потом стал требовать деньги с детей, но, в конце концов, уgomонился.

Кира, одеревеневшая от страха, беззвучно плакала, но при этом ее не оставляла мысль о странности происходящего. Раньше Стюарт ломился к ней в комнату, когда дома больше никого не было. Тогда, в отсутствие свиде-

телей, он грозил ее убить, если она кому-нибудь проболтается. На сей раз он сначала заставил замолчать ее мать. Не вознамерился ли Стюарт причинить вред еще и Дрю?

— Кира, о, Кира! — заблеял он по-дурацки и снова навалился плечом на дверь. Его голос зазвучал чуть мягче, словно Стюарт был уже не прочь отступить.

Налегая на штырь, они ждали взрыва, но пьяница замолчал, потом попятился, спустился по лестнице, и снизу больше не доносились шаги. Все стихло.

Мать тоже не издавала ни звука, и это было равносильно концу света. Она затихла там, внизу, то ли мертвая, то ли без сознания, потому что иначе обязательно поднялась бы наверх и дала отпор мерзавцу. Если бы Стью снова поднял руку на ее детей, Джози выцарапала бы ему во сне глаза.

Тянулись секунды, минуты. Кира уже не плакала. Оба сидели на краю кровати и чего-то ждали: звука, голоса, стука в дверь. Но царил зловещая тишина.

Наконец Дрю прошептал:

— Надо что-то делать.

Кира ничего не ответила.

— Пойду посмотрю, как там мама, — произнес он. — Ты запишись здесь. Ладно?

— Не ходи.

— Я должен. С мамой что-то не так, иначе она бы поднялась сюда. Уверен, дела плохи. Сиди тихо, запишись.

Дрю убрал железный штырь и тихо отворил дверь. Внизу ничего не было видно, кроме темноты в доме и слабого света фонаря на крыльце. Кира выпустила брата и сразу заперлась. Он стал спускаться, сжимая в кулаке баллончик и мечтая о том, чтобы прыснуть отравой сукину сыну в лицо, устроить ему ожог глаз, а лучше вообще ослепить. Дрю двигался медленно, останавливаясь на каждой ступеньке, стараясь не издавать ни звука. В гостиной он за-

мер и прислушался. Из спальни Стюарта, дверь в которую находилась в конце короткого коридора, доносились еле слышные звуки. Дрю еще подождал: вдруг Стюарт, надавав Джози тумачков, все же отнес ее в постель? В кухне горел свет. Он заглянул туда и увидел неподвижные голые ступни матери, потом ее икры. Дрю опустился на колени, пролез под столом, молча подергал ее за руку. Мерзавца мог привлечь любой звук. Он видел обнаженную грудь матери, но был слишком напуган, чтобы смутиться. Дрю теребил Джози, шепча:

— Мама, мама, очнись!

Она не реагировала. Левая половина ее лица побавровела и раздулась, Дрю был уверен, что она не дышит. Он вытер глаза, отпрянул, выполз в прихожую. Дверь в спальню Стюарта была открыта, там горел слабый свет, и Дрю, приглядевшись, различил свисавшие с кровати сапоги — из змеиной кожи, остроносые, его любимые. Дрю выпрямился и приблизился. На кровати с широко раскинутыми над головой руками, полностью одетый дрых, похрапывая, Стюарт Кофер. Дрю смотрел на него с лютой ненавистью.

Потом он бегом преодолел лестницу. Кира открыла ему дверь, и Дрю крикнул:

— Она мертвая, Кира! Мама умерла. Стюарт убил ее. Она лежит мертвая в кухне на полу.

Кира отпрянула, зарыдала, обхватив брата руками. Вдвоем они спустились вниз, пришли в кухню, приподняли матери голову. Кира плакала и шептала:

— Очнись, мам, ну, пожалуйста, очнись!

Дрю неуверенно взял левую кисть Джози и попытался нащупать пульс, хотя не был уверен, что делает это правильно.

— Надо звонить 911, — сказал он.

— Где Стюарт? — спросила Кира, озираясь.

— В постели, спит. Кажется, вырубился.

— Я побуду с мамой. Позвони ты.

Дрю пошел в гостиную, снял трубку и набрал 911. После долгого ожидания раздался голос диспетчера:

— 911. Что у вас произошло?

— Мою мать убил Стюарт Кофер. Она мертва.

— Ты кто, сынок?

— Я Дрю Гэмбл. Мою мать зовут Джози. Она мертва.

— Где ты живешь?

— В доме Стюарта Кофера на Барт-роуд, 14, 14. Пожалуйста, пришлите кого-нибудь, нам нужна помощь.

— Обязательно! К вам уже едут. Говоришь, она мертва? Откуда ты знаешь это?

— Она не дышит. Потому что Стюарт опять ее избил, как всегда.

— Стюарт Кофер дома?

— Да, это его дом, мы здесь просто живем. Он опять вернулся пьяный и избил мою мать. Он убил ее. Мы все слышали.

— Где он сейчас?

— В кровати, крепко спит. Пожалуйста, скорее!

— Не вешай трубку, хорошо?

— Нет, мне надо к маме.

Дрю бросил трубку и стянул плед с дивана. Кира держала голову Джози у себя на коленях, нежно гладила ее по волосам, плакала и повторяла:

— Ну, ладно, мама, ну, прошу тебя, очнись... Пожалуйста, очнись! Не оставляй нас, мама.

Дрю накрыл мать пледом и сел около ее ног. Зажмурившись и наморщив нос, он пытался молиться. Дом притих, тишину нарушал лишь лепет Киры, умолявшей мать очнуться. Шли минуты, Дрю уговаривал себя перестать плакать и хоть что-то предпринять, чтобы защитить себя и сестру. Стюарт дрых, но мог в любой момент проснуться; застанет их внизу — взбесится и задаст жару.

Так уже бывало: опьянение, злоба, угрозы, побои, беспамятство, пробуждение — и все то же самое по новому кругу.

Из спальни донесся громкий храп и еще какие-то пьяные звуки, и Дрю испугался, что Стюарт проснется.

— Тихо, Кира, — попросил он, но она не услышала, сестра была в шоке, продолжала гладить мать и обливаться слезами.

Дрю медленно отошел от них и покинул кухню. В коридоре он пригнулся и на цыпочках подкрался к спальне, где неподвижно лежал Стюарт. Его сапоги по-прежнему свешивались с кровати, под грузным телом скомкалось покрывало. Рот был широко разинут — хоть мух туда напусти. Дрю не сводил с него глаз, пылая слепящей, сводящей с ума ненавистью. Этот мерзавец убил, в конце концов, их мать после многомесячных попыток расправиться с ней. Следующие на очереди — они с Кирой. На Стюарта нет управы, потому что у него связи, серьезные знакомства, судя по его вечному хвастовству. Они трое — пустое место, «белый мусор», отверженные из поселка на колесах, то ли дело Стюарт — влиятельная фигура, землевладелец, обладатель значка.

Дрю попятился, выглянул в коридор и увидел мать на полу и сестру, державшую на коленях ее голову, раскачивающуюся, тихо стонущую и не видящую ничего вокруг. Он вернулся в спальню, шагнул в угол, к столику сбоку от кровати, на которой лежала толстая португеза из черной кожи, кобура с пистолетом и значок в форме звезды. Дрю вытащил пистолет из кобуры и вспомнил, какой он тяжелый. Таким оружием, «глоком» калибра 9 миллиметров, пользовались все помощники шерифа. Правила запрещали прикасаться к нему гражданским лицам. Но Стюарт плевать хотел на всякие дурацкие правила. Однажды, трезвый, в редком для него благодушном настроении он отвел Дрю на пастбище неподалеку и стал учить

его обращению с пистолетом. Стюарт вырос с оружием, Дрю — нет; Стюарт издевался над парнем, не умевшим стрелять. Он хвастался, что своего первого оленя застрелил восьмилетним мальчишкой.

Дрю стрелял тогда трижды и каждый раз промахивался мимо мишени; его пугали отдача и грохот. Стюарт вдоволь поиздевался над его робостью, а потом лихо вогнал прямо в десятку всю обойму.

Держа пистолет в правой руке, Дрю внимательно осмотрел его. Он знал, что оружие заряжено, по-другому у Стюарта не бывало. Он держал в стенном шкафу целый ящик с заряженными винтовками и дробовиками.

До Дрю доносились стоны и плач Киры, перед ним храпел Стю. Скоро нагрянет полиция, но толку от нее будет не больше, чем раньше. Вернее, вообще никакого толку. Они не защитят Дрю и Киру даже теперь, когда их мать лежит бездыханная на кухонном полу. Стюарт Кофер, ее убийца, станет лгать, и полиция вновь поверит ему. После этого Дрю с сестрой ожидает еще более мрачное будущее, чем раньше, при живой матери.

Он вышел из спальни с «глоком» в руках и побрел в кухню, где ничего не изменилось. Спросил Киру, дышит ли мать. Вместо ответа сестра продолжала стонать. Дрю двинулся в гостиную и там выглянул из окна в темноту. Если у него был отец, он его не знал и сейчас в который раз спрашивал себя, где глава семьи. Где тот мудрый человек, советчик и защитник? Они с Кирой росли, не зная безопасности, какую обеспечивают нормальные родители. Они видели других отцов в опекунских семьях, встречали адвокатов в судах по делам несовершеннолетних, пытавшихся помочь; но им не знакомо теплое объятие мужчины, которому можно довериться.

Теперь ответственность легла на него, старшего. Матери нет, значит, у Дрю не осталось выбора: он должен